КРОКОДИЛ

№ 21 (1707) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 30 ИЮЛЯ 1963

— Поймите, в какое положение вы меня поставили: я в отпуске, а вы тут план перевыполняете!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

«ПОД ХЛЕБ НЕ ГОДЕН!»

У руководителей Приволжской железной дороги хлопот полон рот. Страда! Нужно быстренько готовить вагоны под хлеб. Вот-вот хлынет рекой зерно нового урожая с полей. По этой магистрали пойдет хлеб из Саратовской, Волгоградской, Пензенской и других областей.

А вагоны подготовить — не фунт изюму сжевать. Каждую прореху надо заштопать, каждую доску промыть со всем тщанием. Ведь хлеб — дело тонкое. Это не гравий, не металлолом. Мы с вами его есть будем.

— Ну, и как вы справились с этой задачей? — спрашивает Крокодил *начальника грузовой службы* А. Конопицкого.

Анатолий Андреевич весь окутан длиннейшими бумажными лентами, точно младенец свивальниками. Эти ленты не что иное, как сводки о готовности подвижного состава.

— Дорога подготовила в запас 12 тысяч вагонов. Полный порядок,— бодро говорит он.

Оказалось, порядок несколько странноватый. Из 12 тысяч в наличии ровно половина. Шесть тысяч. А как они подготовлены?

И Крокодил поехал на линию. Начальник Ртищевского отделения Гордеев и начальник вагонного отдела Серебряков считают, что у них лучше обстоит дело, чем у других прочих. Мы, мол, готовы к погрузке и перевозкам нового урожая. У нас тысяча вагонов стоит с распростертыми объятиями, то есть с распахнутыми дверями.

— На слово не верю,— сказал Крокодил и пошел с вилами проверять.

Проверил около 800 вагонов. Как вы думаете, сколько из них годилось под зерно? Всего двадцать шесть штук! Не правда ли, эта цифра как-то ошеломляет?

А остальные «подготовлены» таким образом: на полу вагонов — кучи мусора, в стенах зияют дыры, сквозь которые не только зерно потечет — арбузы провалятся.

Такая картина на станциях Лопуховка, Екатериновка, Платницкая. Рекорд побили станции Аткарского участка. Здесь радостно сообщили, что про запас отставлено 440 вагонов. Из них исправных оказалось... НУЛЬ.

Заглянул Крокодил на самую крупную хлебогрузочную станцию Ртищевского отделения — Баланда. Здесь под зерно заботливые руки железнодорожников отвели 80 вагонов.

— А ежели без шуток, то сколько годных?

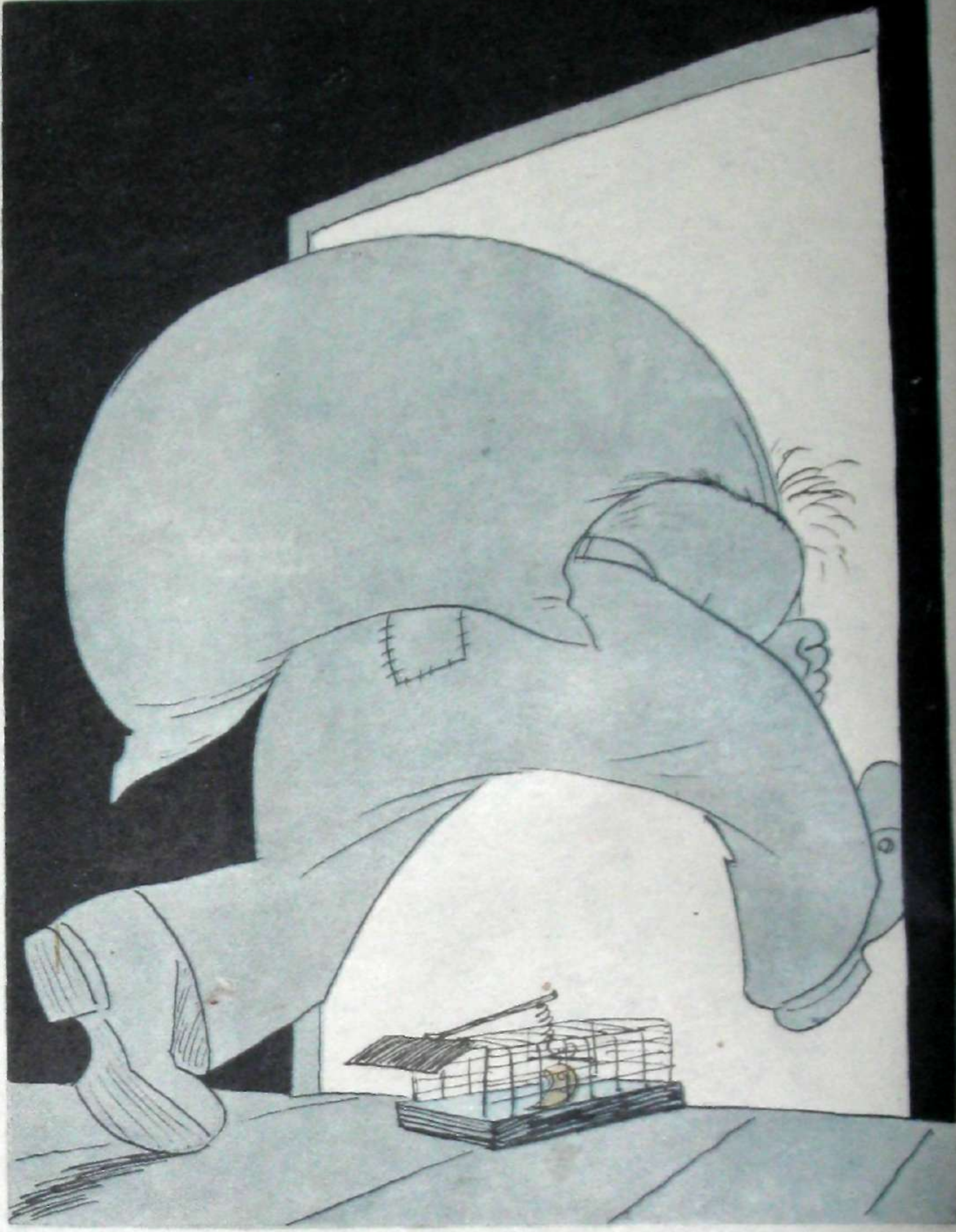
— Все одинаковые,— отвечают.— Один к одному.

— Вот это здорово! Молодцы вы тут в *Баланде*.

— Извиняемся, вы нас не так поняли,— отвечают.— Все одинаковые, верно. Только... неисправные. Негодные то есть...

Что самое *интересное — на всех дырявых и грязных вагонах* красуется выведенная какими-то мистификаторами надпись: «ГОДЕН ПОД ХЛЕБ».

Загоревал Крокодил. Хорошенькое дело! В чем же, легкомысленные вы люди, будете возить зерно нового урожая?

Опять не попался.

Рисунок А. КРЫЛОВА

— А ты не волнуйся. Не надрывай свое крокодилье сердце,— утешают железнодорожники.— Не думай о новом зерне. Ведь раньше нужно вывезти со складов зерно прошлогоднее. Его там тысячи и тысячи тонн! Как говорят, не считано, не вешано.

Оказалось — верно. Склады забиты зерном, а вывозят его так, что и до морковкина заговенья не вывезти. Не особенно торопятся. А куда новое зерно девать, неизвестно.

Видят ли все это начальник дороги товарищ Аверкиев и его заместитель по грузовой работе товарищ Павловский?

Отвечаем: нет, не видят. И не могут видеть. Эту неприглядную картину от них заслонили благополучные, сердце веселящие сводки, которые присылают в управление начальники отделений Гордеев, Таневский и иже с ними. А какая цена этим сводкам, мы уже знаем.

Правда, нельзя сказать, чтобы сводки эти уж совсем никуда не годились. На худой конец *ими можно затыкать дыры в вагонах*. Хоть небольшая польза будет...

Сопровождали Крокодил
Ф. БОГАТЫРЕВ,
Л. АЛЕКСАНДРОВА.

И вдоль и поперек!

Вряд ли найдется предприятие, которое бы так чутко прислушивалось к голосу потребителей, как Ереванский шинный завод. Например, выпускал он автошины, которые при соприкосновении с землей немедленно давали поперечные трещины. Не успеет обутая в такие шины машина выкатиться за ворота, как вдруг — кр-рак! — и готово. Машина разута.

Закарпатский областной костнотуберкулезный санаторий таким образом «пострадал» на восемь комплектов покрышек. И стал он жаловаться на плохое качество ереванской продукции. Не годится, мол, так, братцы! Поимейте совесть!

— С нашим удовольствием! — отозвались в Армении.

И что бы вы думали? Меры были приняты самые действенные. Начисто изменили технологию, и теперь шины не дают больше поперечных трещин. Теперь они лопаются вдоль.

От такого сюрприза терпение потребителей автошин тоже лопается. И вдоль и поперек!

А. КУЗНЕЦОВ

с. Долгое,
Закарпатской области.

Товарищ Крокодил!

Мы решили организовать в нашем колхозе ВУТ — выставку ущербной техники. И хотим с твоей помощью пригласить на нее гостей—авторов экспонатов.

Просим пожаловать, во-первых, представителей Ливенского завода противопожарного оборудования. Он выпускает в свет чудо-помпы. Мы демонстрируем сразу две таких мотопомпы разных марок, которые вышли из строя ровно через 0,3 секунды после включения (по секундомеру).

Затем хотелось бы поприветствовать задушевным словом гостей из Киевского совнархоза, которые выдали путевку в жизнь электрическому водонагревателю ВЭТ-200. Приобретенный нами водонагреватель всем хорош, да вот одна закавыка: воду не успеешь нагреть, как она вытекает. Дырявый он.

Еще бьем челом руководству завода «Моссельмаш». Приезжайте, уважаемые, полюбуйтесь на свои детища — навозоразбрасыватели, которые поломались, не успев доехать до пашни.

Конечно, я понимаю, что нашим гостям выставка может и не понравиться. Им будет не по себе. Они будут краснеть и бледнеть. Но вот именно в расчете на это мы их и приглашаем!

Л. ГЛАЗКОВА,

председатель колхоза «Вперед к коммунизму», Шуйского района, Ивановской области.

Сценки уценки

Моего знакомого Никодима Наивняка привлекли к общественно полезной деятельности. Вызвали его в областной торготдел.

— Пойдете в товаропроводящую сеть.

— В качестве?

— Конечно, в качестве члена комиссии...

x x x

К межторговой базе валом валил народ со всяким барахлом в охапку и, достигнув заветной черты — подвала, с облегчением швырял ношу оземь.

Наивняк подошел к человеку, пытавшемуся руководить этим содомом, и робко спросил:

— Извините, что здесь происходит?

— Здесь, товарищ, уценка,— пояснил тот.— Что такое уценка, спрашиваете? Закономерное явление и, я бы сказал, здоровое начало. С одной стороны, уценка регулирует товарооборот, а с другой — нормализует таковой. Приводит спрос в соответствие с предложением. Короче, неходовые товары устаревших фасонов мы решительно изымаем, за что покупатель говорит нам горячее спасибо. Вот полюбуйтесь!

Полюбоваться было на что. Ширпотреб прибывал уже целыми эшелонами. Крик, шум и суета удесятерились.

Заметно было, что предприятия поработали на славу, как бы специально для уценки. Сейчас на базе происходила своеобразная перекличка, которую можно было бы назвать «Страна должна знать своих бракоделов». То и дело с эшелонов возглашали:

— Платья-костюмы из Брянска!

— Мужские сандалии из Кременчуга!

— Чувяки из Кировограда!

— Батарейные приемники из Челябинска!

Товары имели такой вид, что от одного беглого взгляда на них можно было лишиться дара речи.

Но, странное дело, наряду с халтурой сплошь и рядом силосовали вполне приличные, даже первоклассные товары. Уценке были подвергнуты, например, чудесные модные дамские туфли, к тому же импортные. Кроме того, привезли мужские макинтоши, тоже пользующиеся повышенным спросом, и многое-многое другое.

— В чем дело? — полюбопытствовал озадаченный Наивняк.

Его заверили:

— Так надо!

Наконец настал самый ответственный момент: комиссия приступила к работе.

Процесс напоминал аукцион, только все происходило словно бы наоборот.

— Посмотрите на это меховое манто,— с плохо скрываемым отвращением говорил представитель торга.— Разве ж это манто? Типичная тряпка! Предлагаю переоценить с трехсот на двести пятьдесят рублей. Кто меньше?

— Двести!

— Сто восемьдесят!

Никодим Наивняк, недопонимавший специфики, некстати откликнулся:

— А по-моему, ценная вещь. Первый сорт.

— Цыц! — шикнули на него.— Чего вы вмешиваетесь? Тут специфика. Понимать надо!

Вся остальная продукция благополучно была уценена в среднем на 40—60 процентов.

Когда объявили перерыв, члены комиссии вскочили и без паники выстроились в очередь.

— Тише, граждане,— предупредил председатель.— Успеете. Давайте заявочки.

— Мне свитер,— потупившись, заявил первый.

— А мне отрез на костюм,— смущенно признался второй.

— Мне подойдет плюшевая скатерть,— отозвался третий.

Естественно, нашлись охотники и на меховое манто.

По своей недозрелости Никодим Наивняк в очередь не встал и ни одной вещи не приобрел. Он только путался у всех под ногами и задавал бестактные вопросы. В конце концов его вывели из состава комиссии и выпроводили с базы.

Когда он, сконфуженный, вернулся в торготдел, его спросили:

— Ну, какое у вас впечатление?

— У меня создалось впечатление,— чистосердечно признался Никодим,— что под шумок хапают.

— Фи, как нетактично! — обиделись в торготделе.— Перестаньте, пожалуйста! Специфики вы не понимаете, вот что.

x x x

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Эти сценки написаны не совсем с натуры. Однако фундамент взят, так сказать, из жизни и быта днепропетровских торгующих организаций. Не было Наивняка, так были другие члены комиссии.

Ради вящей убедительности процитируем строки из акта облфинотдела:

«...производится уценка товаров, пользующихся повышенным спросом... В частности Текстильшвейторг уценил 19 доброкачественных костюмов, 3 меховых манто, 2 макинтоша... Универмаг уценил партию импортных женских туфель, которая до того не попала даже в реализацию... Первый горпромторг уценил, минуя торговую сеть, 20 отличных женских пальто, приобретенных в порядке децзакупок в Горьком... А во втором горпромторге имели место факты уценки ношеной обуви...»

И резюме: «Всего по выборочно проверенным четырем торгам потери от необоснованной уценки составляют 20 тысяч рублей».

Уценка приобретает все более внушительный размах. Итог самой последней проверки, проведенной, кстати сказать, тоже выборочно и только по трем торгам, составил уже не 20, а 72 тысячи рублей убытков...

Это убытки доказанные и запротоколированные. А есть еще, по-видимому, и неофициальные. На грустные размышления наводит хотя бы такой факт: всего в Главторгодежде переоценили швейных изделий с 45 на 23 миллиона рублей. «Усушка» составила 22 миллиона. Раззудись, плечо! Чего стесняться, ежели имеется инструкция Министерства торговли!

Мих. ЛЬВОВСКИЙ

г. Днепропетровск.

Смех в курятнике

Уважаемый тов. Коростелев! Занимая должность заместителя начальника Татарского совхозно-колхозного производственного управления Новосибирской области, вы, надо полагать, имеете к сельскому хозяйству не только потребительское отношение. Помимо жареного цыпленка и яиц всмятку, вам, конечно, приходилось видеть и живую курицу на насесте. Из своих наблюдений вы не могли не сделать вывода, что курица — это все-таки птица, а не машина-автомат для массового производства диетических яиц. Так какими же, позвольте вас спросить, соображениями вы руководствовались, составляя нашему колхозу «Заветы Ильича» план сдачи яиц на июнь:

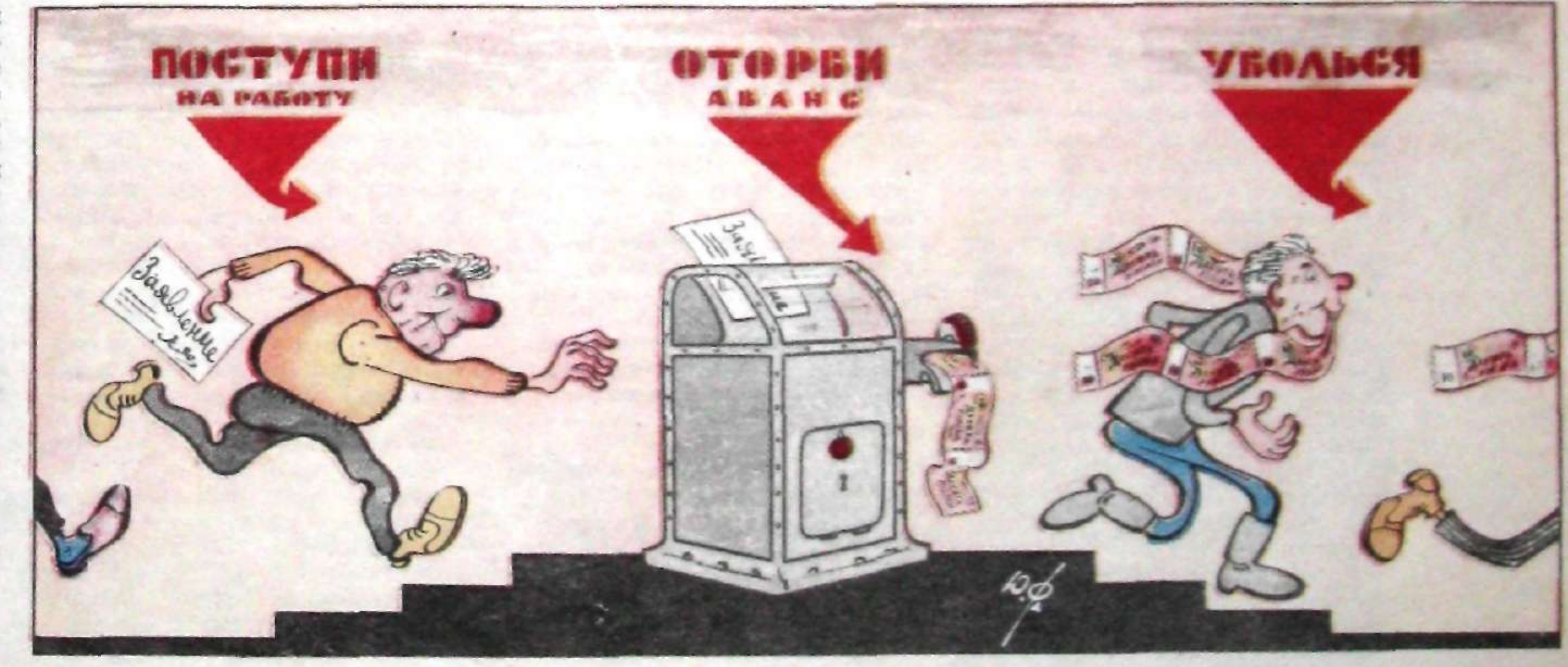
I декада — 12 800 штук,
II декада — 13 300 штук,
III декада — 12 900 штук.
Итого: 39 000 штук.

А в колхозе нас, несушек, всего 1 025. Это, выходит, каждая из нас хоть умри, а выдай 38 штук яиц в месяц. Петухи покатились со смеху, ознакомившись с таким заданием.

Как ни прискорбно, но составленный вами фантастический план мы не выполнили, хотя, надо признаться, старались.

Примите и проч.

От имени 1 025 несушек
КУРОЧКА РЯБА.

Мечта летуна.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Всех снабдим, никого не обидим!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Все по местам!

Есть такая милая игра нашего золотого детства: «Все по местам!». *Ребятишки ставят* стулья в круг и, замирая от восторга и страха, ходят по комнате до тех пор, пока не раздастся условный сигнал. Тогда каждый должен быстро занять место. Подымается шум, визг, смех, веселая суматоха. Опоздавший остался без места, он «водит».

В Шенкурском районе, Архангельской области, значительно усовершенствовали эту игру. Придали ей, можно сказать, новое звучание.

Во-первых, здесь играют не дети, а взрослые, серьезные люди. Во-вторых, места, которые обычно занимают ребятишки на своих стульчиках-недомерках, здесь заменены всамделишными постами и должностями — с окладами, кабинетами, а также креслами, имеющими инвентарный номер. В-третьих, смех слышен не среди участников игры, а со стороны местного населения.

Где, например, должны находиться агрономы и зоотехники? Наверное, вы думаете, что такой вопрос не следовало и задавать, ибо всем ясно, что специалисты по урожаям и надоям обязаны применять достижения науки в колхозах и совхозах? Ан нет!

Зоотехник А. Кукольникова довольствуется скромной должностью няни городского детсада № 4, а в селе Шеговары такую же работу выполняет агроном К. Кыркунова. Жена старшего лесничего зоотехник П. Волокитина использовала свои специальные знания в качестве... сторожа при гараже, а теперь трудится завхозом школы. Зоотехник В. Тепляков ходит в форме: он участковый милиционер районного центра. Милиция довольна: образованный человек пополнил кадры охраны порядка и в высшей степени культурно выдворяет пьяниц из столовой.

А вот на лицах председателей колхозов, лишенных специалистов, выражение грустное.

Узнав об агронянях и зооучастковых, вы уже без особого удивления приметите, что не удержавшийся на своем посту из-за малограмотности инспектор Госстраха В. Шишкин вдруг получил назначение на пост... директора музея. Что уволенный из милиции за пьянку младший лейтенант В. Росляков стал воспитателем (!) и помощником директора по политчасти технического училища № 2. Что дважды осужденная за растрату и разные махинации продавщица магазина на Ямскогорском лесопункте А. Зеленцова возглавила в районе поход за знания и искусство и удостоена должности директора Шенкурского дома культуры.

Этот удивительный список можно продолжить. У нас в запасе есть фамилии мелиораторов, ветфельдшеров, математиков, подвизающихся на самых неожиданных работах. Мы не называем этих фамилий потому, что игра в Шенкурске, судя по всему, продолжается и нам не успеть за событиями. Кто знает, а вдруг врачами в городской больнице завтра назначат парикмахеров, а прически местным модницам во вкусе Брижитт Бардо станут делать капитаны речных судов, курсирующих по Ваге, или пилоты с «АН-2». Вдруг для цементирования тротуаров подыщут радистов, а распределение кадров в общерайонном масштабе поручат научным фантастам. Впрочем, существует довольно обоснованное мнение, что с кадрами специалистов, на обучение которых государство затратило немалые средства, уже сейчас творится нечто фантастическое...

Может быть, лучше все-таки взять пример с ребят-несмышленышей и провозгласить, как полагается в игре:

— Все по местам!

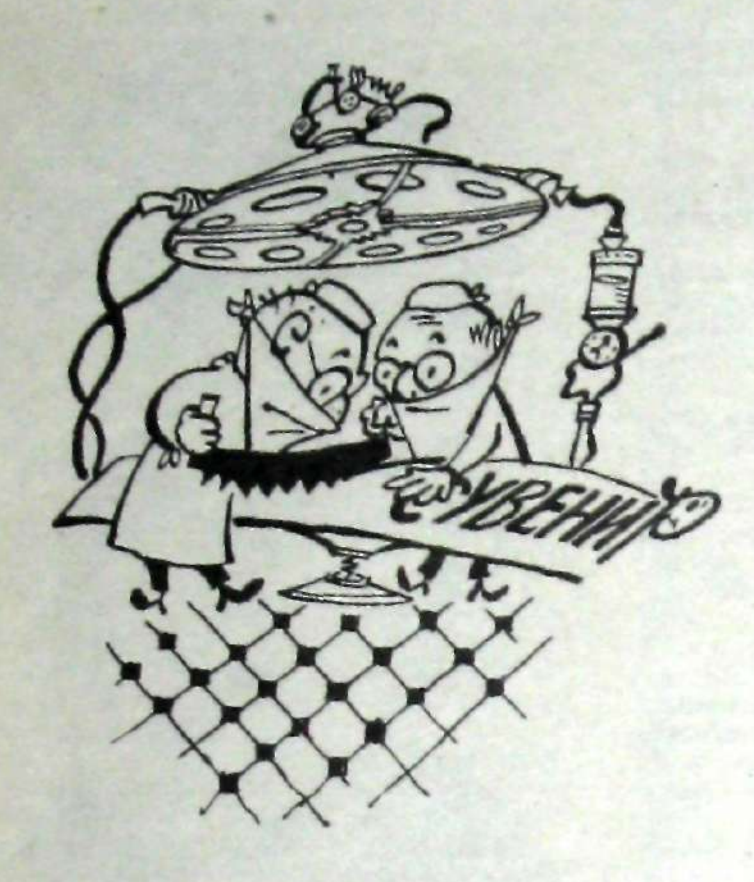

Юр. АРБАТ,
специальный корреспондент Крокодила.

г. Шенкурск, Архангельской области.

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Итак, мне предстояла командировка в будущее. Задание редакции сводилось к тому, чтобы доставить журналу материалы о здравоохранении грядущих лет. Редакции было доподлинно известно, что ни больниц, ни лечебниц в то время уже не будет. Врачи станут не лечить заболевания, а предупреждать их различными профилактическими мерами. Остальное было неясно. Мне предстояло все разузнать и описать мужественными фразами, не впадая в слащавость.

Я набрал в авторучку чернил, раскрыл записную книжку и... вскоре начал витать в будущем. Но с первого же витка натолкнулся на ошеломляющую загадку. Она имела вид вывески. Точно такой, какие употребляются в наши дни. На ней было обозначено слово «ЛЕЧЕБНИЦА», которое противоречило сведениям, имевшимся в редакции. В чем же дело? Я не поверил своим глазам и спросил ближайшего прохожего, что написано на вывеске.

Он, вероятно, нашел мой вопрос странным, но вежливо ответил:

— Лечебница.

Чтобы разрешить загадку, я двинулся к зданию с вывеской. В этот момент из подъезда вышел человек в голубой блузе свободного покроя и гимнастическим шагом направился в мою сторону.

— Простите, что это за лечебница? — спросил я его.

— Вы, вероятно, приезжий? — любезно осведомился он.

— Да.

— Марсианин или с Венеры?

— Я из прошлого.

— Из какого, извините за любопытство, года?

— Из тысяча девятьсот шестьдесят третьего. Я приехал к вам по линии здравоохранения...

— По линии здравоохранения этого сделать нельзя,— поправил меня собеседник.— Ехать можно по линии троллейбуса, железной дороги...

Я вскипятился:

— Откуда вы знаете? Я журналист и умею говорить по-русски.

— Приятно познакомиться,— весело заявил мой собеседник.— А я главный врач лечебницы, доктор филологии, магистр смежных наук — терапии, грудной и полостной хирургии, Андрей Андреевич Дон.

— Но разве филология и медицина — смежные науки?

— Теперь да! Раз уж вы забрались в такую даль, извольте, я покажу вам нашу лечебницу.

И мы отправились.

Мой любезный проводник объяснил мне, что это особая лечебница — для ущербных слов. Здесь стараются вернуть им утраченный смысл или возвратить прежний вид.

Прежде всего мы посетили терапевтическое отделение. Тут на маленьких кроватках лежали больные фразы: «Закругляйтесь загорать», «Пошив платья», «По какому вопросу ты переживаешь?», «Намочились под дождем», «Это к нам не касается» и другие.

— Мы применяем медикаментозное лечение: кальцекс и суффиксы, примочки и приставки, а также лечебную гимнастику,— сказал Андрей Андреевич.— Мы не отступим до тех пор, пока фраза «Намочились под дождем» не достигнет своего естественного вида: «Намокли под дождем»,— а выражение «Это к нам не касается» не зазвучит правильно: «Это нас не касается».

Желая показать, каких результатов добиваются в терапевтическом отделении, Андрей Андреевич продемонстрировал пачку историй болезни, сведенных в такую табличку:

Поступили на излечение:	Выписаны:
Загибаешь	Врешь
Потянемся	Пойдем
Травить анекдоты	Рассказывать анекдоты
Жму по переулку	Иду по переулку

Особенно интересным оказалось хирургическое отделение. Мне разрешили присутствовать при отсечении лишних слов. На стол было положено выражение «Памятный сувенир». Анестезиатор быстренько подключил к нему искусственное сердце и легкие, хирург взмахнул ультразвуковым ланцетом — и глупый нарост «памятный» упал в таз. Со стола бодро вскочило освобожденное слово «сувенир», которое ведь и обозначает «памятный подарок».

Таким же образом были отделены уродливые опухоли: «промышленная» от слова «индустрия», «эмоциональные» от слова «чувства», «мемориальный» от слова «памятник» и другие. На моих глазах и выражение «прейскурант цен» было освобождено от нароста «цен», поскольку «прейс» — это и значит «цена».

В других блоках работа уже закончилась, и мне пришлось удовольствоваться рассказом любезного главного врача этой удивительной лечебницы.

— Здесь,— сказал он,— производятся расчленения и сочленения. Сейчас тут двое больных, сросшихся, как сиамские близнецы: «стеклопосуда» и «морепродукты». Завтра их расчленят, и получатся нормальные выражения: «стеклянная посуда» и «продукты моря».

— А что за этой решеткой? — поинтересовался я.

— Тут производится не очень приятная процедура — лечение ударением. На это лучше не смотреть.

Я прислушался. До меня донеслись глухие удары и тяжкие стоны. А мой провожатый меж тем говорил:

— Мы берем слово «арбуз» и ударяем по букве «у», или слово «баржа» и бьем по первому «а», или слово «добыча» и лупим по букве «ы» до тех пор, пока все граждане не закричат хором: «Довольно! Нам жаль это слово. Мы больше не будем его коверкать». Тогда экзекуция прекращается.

Когда мы закончили осмотр лечебницы, главврач сказал:

— А теперь пройдем вон в то здание. Там у нас анатомический музей. Слова-уродцы мы сохраняем в формалине, по способу, известному еще ученым XX века. В каждой комнате собраны сорные слова, уродливые выражения, которые проникали в речевой обиход, когда словесность преподавали в школах сухо и неинтересно,— сказал Андрей Андреевич.— Зайдемте, если не возражаете, в эту комнату.

На полках стояли специальные сосуды с формалином. В них во взвешенном состоянии плавали уродливые фразы и выражения: «Нам было ужасно хорошо», «Мы провели время страшно весело».

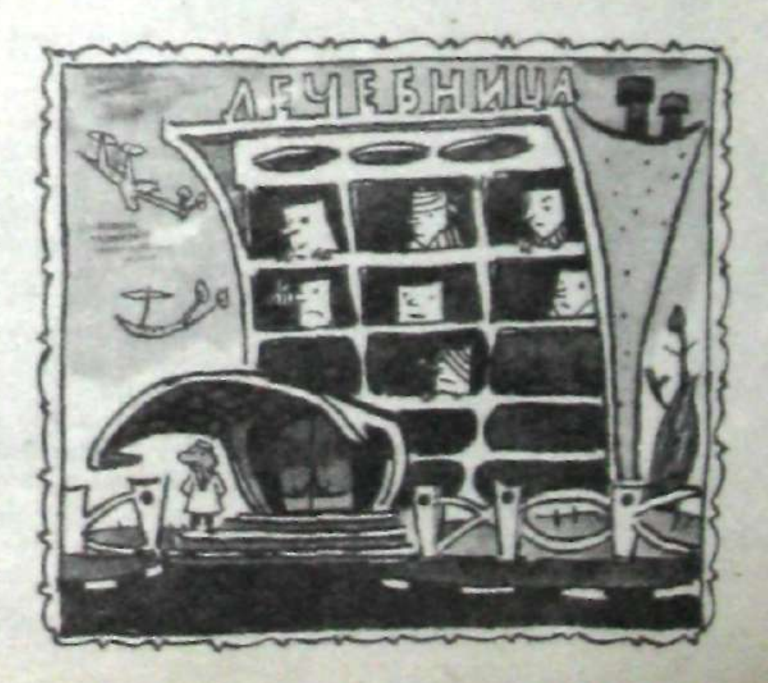
Затем мы остановились перед дверью, на табличке которой было написано: «Уродцы, извлеченные из художественной «прозы молодых» шестидесятых годов XX века».

В маленьких сосудах с притертыми пробками находились отдельные слова: «чувиха», «фуфло», «шмакодявка», «лабух», «хилять», «хахатура», «лабуда», «кадришка», «шикара», «башли», «хилок», «мура»...

Так неряшливо разговаривали, намеренно упрощая, огрубляя и искажая речь, молодые шалопаи в наше время. Их разговорчики стали для нас привычными благодаря похвальным усилиям периодики. И мне захотелось домой, на диван, к новым номерам толстых журналов...

Я заторопился, поблагодарил доктора филологии, магистра терапии и хирургии и стал прощаться. Андрей Андреевич меня не удерживал. Он только понимающе улыбался.

Совсем уже собравшись восвояси, я подумал, что современники могут мне не поверить, скажут, что все это выдумка. И я решил документировать рассказ. Повернувшись к фасаду лечебницы, я вынул из футляра фотоаппарат и щелкнул. Снимок получился достаточно четким. Им я и заканчиваю свой рассказ, привезенный из будущего.

ЗА СПИНОЙ МОГУЧЕГО

Хорошая это организация — хор. Громкая. Если собрать население только одного Воронежа, да запустить Великий Всеворонежский хор, да грянуть «Камаринскую», то на мысе Канаверал услышат.

Вообще радостная работа советских людей похожа на огромный чудесный хор. И в нем воронежцы поют слаженно. Хорошо поставленными, созвучными нашей эпохе голосами. И ноты отличные — стремление вложить в советскую житницу дополнительный миллиард рублей.

Одно плохо: иные в этом хоре фальшивят. Весь хор, скажем, поет «Марш ударных бригад», а отдельный индивид нудит нечто совсем противоположное.

Поэтому разрешите для пользы общего дела осветить сатирическим прожектором некоторые современные разновидности паразитических мотивов. Располагаются они по возрастающей степени вредности.

БЛУДНЫЙ ТЕНОР

Таким обладает Алексей Максимович Сапрыкин с Воронежского станкостроительного завода. Он строгальщик. И голос ему Советская власть поставила неплохо — обучила, дала специальность. А строгальщики, они нынче ценятся. Их на предприятие запросто так не получишь. Но Воронежский станкостроительный в 1950 году все-таки приобрел строгальщика. В лице А. М. Сапрыкина. И он на этом заводе начал что-то такое строгать. А за это получать деньги. Только денег тех показалось Сапрыкину мало. И он переметнулся на завод имени Дзержинского. А впопыхах даже забыл сказать последнее «прости».

На новом форпосте воронежской промышленности он тоже строгал и получал. Но хотел больше. Не строгать, конечно. И Сапрыкин сделал крен от тяжелой индустрии к мелкотоварному производству: подался прессовать пуговицы в райпромкомбинате.

Пуговиц было много. И денег было немало. Но где-то этих денег было еще больше. И сапрыкинский тенор стал опять фальшивить. Споет тенорок на «Электросигнале» начало куплета, а допевает уже на Железобетонном заводе. Даже с Камчатки доносился его препротивный голос, куда скачущий тенор рванулся в поисках серебра и злата.

И повсюду с пулеметным треском раскрывались перед рвачом и летуном кассовые окошки. И везде получал он аппетитные червонцы. А на них выпивал.

Так рука об руку с зеленым змием летучий артист и угодил за решетку. За ней Сапрыкин отдохнул и снова сиганул к агрегатам станкостроительного.

Об ущербе, нанесенном летуном производству, А. М. Сапрыкина спросили совсем недавно на заводе «Коминтерн», куда он решил вернуться. Здесь не заклали для блудного тенора тучного тельца, а спросили:

— Что же ты, друг ситный, разрушаешь производство? Одиннадцатое предприятие меняешь! Не стыдно?

Давно пора бы спросить. Таких, как Сапрыкин, летучих воронежцев только в 1962 году принято на одном воронежском заводе 1 408 душ, а уволено 1 295. И все «по собственному желанию».

Не много ли?

Эх, переметные сумы, заспинники... Да такие еще повредней откровенных тунеядцев. Вот он, Сапрыкин, на рисунке крокодильского художника А. Цветкова, трепетный и жалкий. Он сам признается, что «опрохвостился» перед коллегами по строганию. И правильно на цехкоме коллеги решили не давать гражданину Сапрыкину путевку в санаторий. А то он оттуда тоже куда-нибудь смоется. В пивной зал, к примеру...

Если у Сапрыкина кое-какие остатки совести сохранились и он нет-нет да пропищит слабым тенором верную ноту, то другой воронежский солист-заспинник поет определенно чужим голосом.

ФАЛЬЦЕТ С ПРЕТЕНЗИЕЙ

Перед нашим прожектором А. Валеев. Этому советский хор вообще не по душе. Валеева так и тянет исполнить фальцетом «Янки Дудль». Уж очень много скопилось у него претензий к Советам депутатов трудящихся: личного автомобиля нет — раз, роскошную виллу не дают — два, работы по способностям не предоставляют — три. Подумайте только! «Талантливый юрист, блестящий оратор и публицист» (цитируем по собственным показаниям А. Валеева) прозябает.

Ташкент, Уфа, Липецк, Кавказ, Сибирь, Прибалтика — где только не побывал юрист в поисках занятий по способностям и вознаграждения по труду! И везде сплошное коварство. Человек может в один присест опорожнить полтора литра горькой, а его хватают дружинники. А труд? Вы думаете, сломать другому человеку три ребра — это легко? Но черствая милиция сажает «труженика» за решетку. Подделал публицист трудовую книжку — опять им милиция интересуется. О коварная!

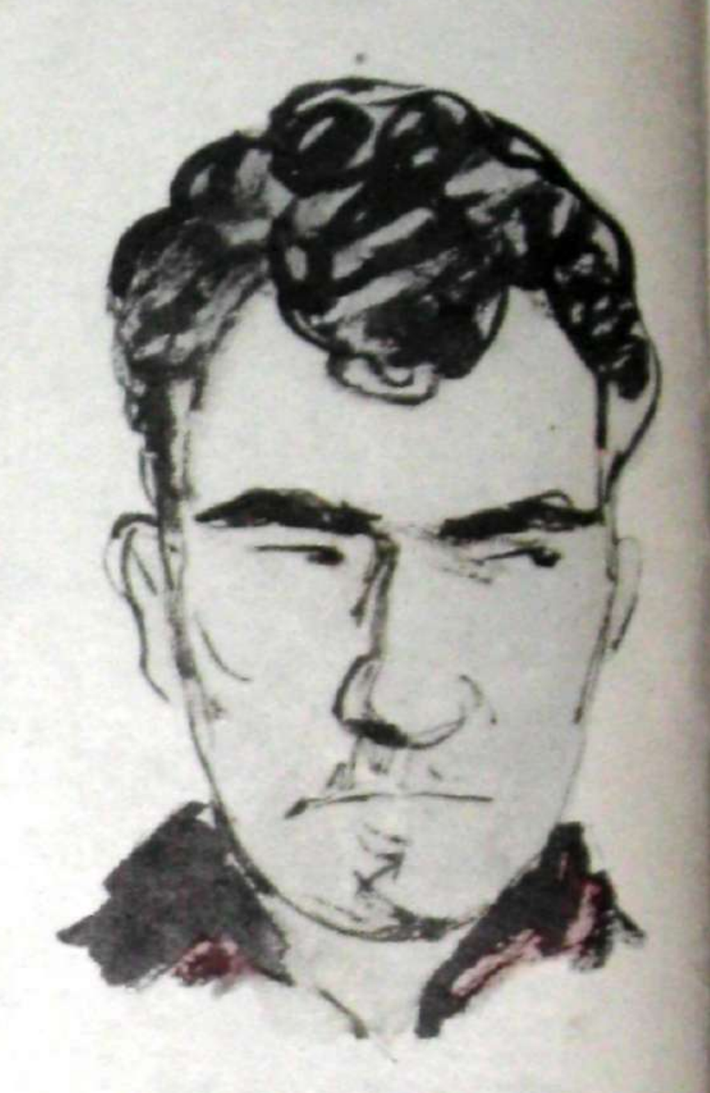
И Валеев решил полностью заняться литературой. С этой целью «писатель» направил свои стопы в столицу. Вот как, по его же собственным словам, разворачивалась дерзновенная писательская эпопея. В майское утро перед машиной посла одной из капиталистических стран выросла фигура с распростертыми руками.

— Стойте, господин посол!—воззвал трагическим фальцетом незнакомец, похожий на распятого древнеримского христианина.— Я прошу сейчас же доставить меня в посольство США.

Посол, однако, не поспешил посадить Валеева в свой шикарный лимузин, и юрист отправился к друзьям-янки на своих двоих. Подчеркиваем, он дефилировал через весь город пешком, так как накануне пропился до креста. Шел требовать гонорар за посланные в страну Желтого дьявола рассказы. По ходу дела выяснилось, что редакторы «роскошных» периодических изданий тоже не проявили поспешности в публикации бессовестной, полуграмотной стряпни. В припадке откровенности Валеев пожаловался приятелям по пивной, что представители магнатов Уолл-стрита не бросились набивать карманы «блестящего публициста» долларами и фунтами. Короче, они дали Валееву пинка в одно место. Почесывая оное, тунеядствующий злопыхатель отбыл в Калач, откуда прислал письмо Министерству иностранных дел:

«Прошу Вас, мой дорогой министр, ходатайствовать перед посольством США в Москве о предоставлении мне их гражданства. Обещаю, что и в Америке буду работать адвокатом, а также писать критические фельетоны и разоблачать социальное неравенство при капитализме...»

По имеющимся сведениям, американского гражданства Валеев пока не получил. А жаль. Честное слово, жаль! Стоило бы выкинуть подобную нечисть из нашего советского дома, уволить из хора такого «солиста» по пункту «в» вчистую. Пусть бы сочинял «критические фельетоны» под пролетами Бруклинского моста...

МЫЧАЩИЙ ПАРАЗИТ

Еще один солирующий воронежский заспинник — Гурьев Владимир Николаевич. Сын своих родителей. Из вполне порядочной семьи. Отец—директор финансово-экономического института, мать—библиотекарь.

Сын мычит. Не может говорить членораздельно. Трясет тарзаньими патлами и по-нашенски петь не желает. Да и не умеет. Не обучили ни дома, ни в школе.

ХОРА

— Не могу я рисовать этого паразита,— сказал художник Цветков.— Противно.

Кое-как уговорили художника, и он дорисовал Гурьева, а потом долго мыл руки чистой донской водой. И это вполне объяснимо. В конце беседы с Гурьевым хочется немедленно пойти в баню.

Вот как бежит время паразита.

После славного обеда паразит вываливается из родительской «хаты» и совершает променад по центральной улице города. Засим, рытая от сытости, идет в «хату» предков своих друзей и единомышленников. Впрочем, говорить о каком-то «мышлении» применительно к Гурьеву и его друзьям — кощунство. Убогие подобия мыслишек текут липко, замедленно... «Пожрать... Хапнуть из родительского кошелька...

Тунеядца схватили, когда у него в руках оказался пистолет. Схватили те, кому по штату полагается бдительность.

Ну а те, кому эта самая бдительность полагается не по штату, а просто по долгу советского человека? Те, кто своим небрежением вырастил мычащего урода? Родители и друзья Гурьева, школа и комсомол?

Теперь-то кинулись, застонали бархатными педагогическими голосами: «Ах, Вовочка, не грызи ногти, не мычи так... Это ужасно!»

Это действительно ужасно.

Проходили по центральной улице мимо откровенного дармоеда и не видели его. Много говорили об идейно-воспитательной работе и не замечали, как на глазах у всех растет паразит.

*

Могут спросить: стоило ли расходовать бумагу из-за отщепенцев-одиночек? Их голосов все равно не слышно за могучим звучанием нашего хора.

То-то и беда. Паразитирующие солисты-запевники — тревожный сигнал о неполадках в нашей воспитательной работе. И не мешало бы слушать повнимательнее: все ли поют ладно? Не фальшивит ли кто?

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила.

г. Воронеж.

Мы с читателем вдвоем...

В ЖАРУ

Когда я вошел, он, изнывающий от жары грузный мужчина лет тридцати, возился с настольным вентилятором.

— Не тянет, бродяга,— сказал мужчина, отирая со лба пот.— Хотя мотор у него плавающий, на каучуковых оттяжках. Законный мотор. Что у вас?

Я молча развернул старую газету и извлек из свертка бутыль.

— Новое моющее средство?

— Нет, не угадали.

— Синтетический желатин?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну тогда не знаю.

И мужчина устало откинулся в кресле.

Я пошарил глазами по кабинету, обнаружил в углу столик с графином, взял пустой стакан и, наполнив его из бутыли до краев, сказал:

— Пейте.

Хозяин кабинета опасливо оглянулся на плотно закрытую дверь и чуть-чуть пригубил. Внезапно полное его лицо расцвело в довольной улыбке. Он сделал три затяжных глотка, почмокал губами...

— А, кажется, ничего. Сами делали?

— Сам,— грустно признался я.— В кустарных домашних условиях.

— А если поставить это дело на поток? Если малую механизацию подключить? А?

— Гарантирую сбыт не меньше миллиона литров за сезон.

— Не меньше миллиона, говорите? Сейчас обмозгуем!

Он нажал кнопку, крикнул в приоткрывшуюся дверь: «Кузяева ко мне!» — и пояснил:

— Кузяев у меня по технологическим схемам. Большой дока! Вошел Кузяев.

— Тут у товарища ценное предложение возникло. Относительно нового напитка.

— Нового? — Кузяев настороженно покосился на опорожненный стакан.— А что для него требуется?

— Что требуется? Сейчас послушаем. Выкладывайте, изобретатель.

— Во-первых, конечно, вода...— нерешительно начал я.

— Обеспечишь, Кузяев?

Дока по технологическим схемам обиженно хмыкнул. Из этого можно было заключить: тем, что более семидесяти процентов земной поверхности занято водой, человечество обязано его, Кузяева, усилиям. Таким образом, вопрос об обеспечении будущего производства влагой отпадал сам собой.

— Нужен также хлеб. Зачерствевшие в магазинах и столовых булки, сухари...

— Этим добром в нашем пищеторге хоть пруд пруди! — сказал Кузяев.

— Потребуется некоторое количество солода...

— Вырвем фонды в области,— решительно произнес дока.

— Вот и отлично,— бодро подытожил хозяин кабинета.— Пройдите, товарищ изобретатель, в технический отдел и оформите документацию. А пока налейте мне еще капельку вашего чудесного напитка. Как, вы говорите, он называется?

— Квас.

— Квас?! — вскричал он.— Ты слышишь, Кузяев, куда нас толкает этот субъект? Нет уж, оставьте нас в покое, гражданин первооткрыватель!

...Я сунул в карман смятую газету и побрел к двери. Это был третий пищеторг в нашем городе, который я тщетно пытался заинтересовать производством столь желанного в летнее время хлебного кваса. И всюду сталкивался с одним и тем же: прекрасно налаженным поточным, высокомеханизированным круглогодовым выпуском ядовитого напитка, именуемого в просторечии ситро. Ломать стройную технологическую схему ради двух-трех летних месяцев никто не хотел.

Когда я закрывал за собой дверь кабинета, грузный его хозяин снова принялся за починку вентилятора.

Он изнывал от жары.

М. СЕМЕНОВ

* * *

Этот рассказ написан по теме читателя Крокодила В. Г. Данильченко (г. Семипалатинск). «Не могли бы вы написать в журнале,— просит В. Г. Данильченко,— что можно сделать, чтобы квас летом все-таки был и всем желающим можно было его свободно купить?»

Я выполнил эту просьбу и написал о квасе. Но будет ли после этого квас в Семипалатинске и других городах? Ей-ей, не знаю...

Степан ОЛЕЙНИК

Кинодрама

Сценарий принят. Режиссер
Над кинодрамою «Драконы»
Сидел и лоб в раздумье тер:
— Чем потрясти б тут миллионы?..

Искал он. Творчески искал!
Поморщившись, в конце конспекта
Пометку сделал:
«Слаб финал.
Нет напряженья, нет эффекта!»

— Что, если на передний план,
Вот здесь, где «вой и грохот бури»,
Нам выпустить под барабан
Ну, скажем... льва?
Живьем, в натуре!

Взъяренный зверь... Толпа вдали...
Как это будет броско, ярко!
...И вот на съемки привезли
Царя зверей
Из зоопарка.

Он был не зол, не норовист —
Он старый был, облезлый, сонный.
Следил с тоскою лев-артист
За суматохой павильонной.

— Актеры, создавайте фон!
Назад, назад прошу! К макетам!..
Юпитеры со всех сторон
Хлестнули льва слепящим светом.

Ворвался в ноздри едкий дым —
Совсем пришлось бедняге туго!
И, ролью тягостной томим,
Пустил он лужу с перепуга.

Затем — к юпитеру прыжок...
Удар в стекло...
Осколков куча...

Тут, видно, лапу лев обжег —
И ну лизать ее, мяуча.

Уж режиссер и сам не рад...
А царь зверей, как ни был кроток,
Шмыгнув под киноаппарат,
Вдруг выскочил из-за решеток!

Под чей-то крик:
— Каюк, братва! —
Артисты — к выходу лавиной.
Промчавшись пулей мимо льва,
Директор сжался в клетке львиной.

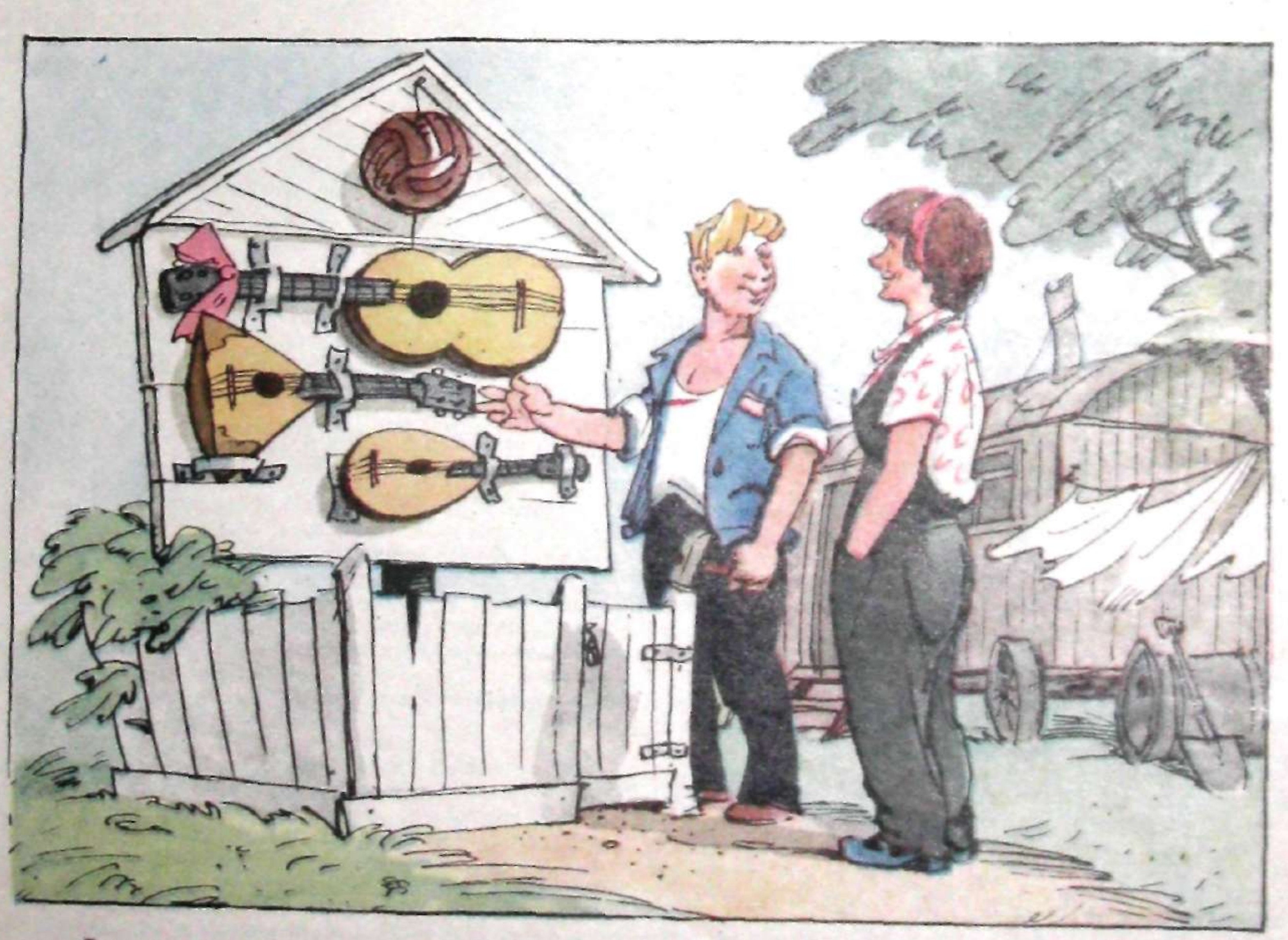
Помреж, отстав, судьбу кляня,
Пред клеткой делал реверансы:
— *Впусти меня! Впусти меня!*
Сожрет веды!.. Вспомни про авансы!..

А наверху, в движеньях скор,
В пример любому акробату,
К балкону тучный режиссер,
Сопя, взбирался по канату.

А лев?
Он своего достиг:
В углу, средь всяческого хлама,
Лег — и уснул там в тот же миг.
Так завершилась «кинодрама».

...Нет, постановщик не потряс
Кинокартиною «Драконы»
Масс миллионных.
Хоть из касс
Он и повытряс миллионы!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

— Вот повесил на всякий пожарный случай: вдруг приедут проверять культмассовую работу.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Милости прошу к моему

И Н Т Е

Открытие кинофестиваля в Мо-
скве ознаменовалось происше-
вием для москвичей очень прия-
ным. Внезапно прекратился дожд-
ливший месяц без перерыва, ту-
дрогнули и поспешили ретироват-
ся с московского небосвода, не-
оказалось по-июльски синим,
солнце по-июльски жарким.

Кинодеятели не замедлили пр-
нять эту улыбку природы на сво-
счет. В пресс-клубе кинофестив-
ля на седьмом этаже гостиниц-
«Москва», где собирались по веч-
рам корреспонденты и кинемат-
графисты разных стран, на эту т-
му была даже проведена негласн-
пресс-конференция.

— Нас пугали, что в Моск-
страшный холод,— сказала ита-
янская киноактриса,— и я захв-
тила с собой шубу. А у вас жар-
как в Неаполе.

— Было холодно, — прият-
улыбнулся московский кинорежи-
сер,— но вот начался фестивал-
все изменилось. Просто надо бы-
начать его на месяц раньше,
москвичи бы не мучались.

— Может, вы и правы,—замет-
английский журналист.— Все де-
в звездах. Если вы помните
астрофизики: звезды—это самос-
тящиеся раскаленные тела. Бла-
даря их большому отдалению
Земли они кажутся нам холодн-
ми точками. На самом деле тем-
ратура звезд измеряется десятка-
миллионов градусов. В связи с
крытием фестиваля в Моск-
съехалось столько звезд пер-
величины, что это, конечно,
могло не повлиять на климат.

...у шалашу.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

...ЕРЕСНОЕ КИНО

— А я думаю, что тут дело не в приезжих звездах,— задумчиво произнес итальянский кинорежиссер. Он только что пришел из Кремлевского Дворца съездов, где демонстрировался его фильм.— Тут дело в московских зрителях. Столько теплых слов услышали гости фестиваля в Москве, ощутили столько горячих рукопожатий. Я смотрел со сцены в зрительный зал и видел шесть тысяч дружеских взглядов. Вот в чем секрет потепления.

С этим согласились все присутствующие.

НЕЧЕСТНАЯ ИГРА

Группа иностранных кинематографистов вышла из гостиницы «Москва» на проспект Маркса.

Высокий худой мужчина оглядывал прохожих, дома́, проносившиеся мимо автомобили. На лице его играла улыбка. Но вдруг взгляд его на чем-то задержался и стал серьезным. На тротуаре перед гостиницей стоял сухой человек в нейлоновом костюме и, задрав кверху киноаппарат, что-то снимал.

Высокий мужчина проследил взглядом за направлением кинообъектива, но не увидел ничего интересного.

— Вы не скажете, что он так старательно снимает? — спросил высокий у спутника.

— Не знаю, герр Шварц. Подойдем поближе, посмотрим.

Они подошли поближе, посмотрели и поняли. Мужчина в нейлоновом костюме снимал балкон гостиницы «Москва». Точнее, не весь балкон, а одну его деталь: большое пятно сырости на цементе.

— Что он в этом нашел интересного? Ну, пятно от воды. В Москве целый месяц шли дожди, ничего удивительного.

— А если не объяснять, что шли дожди?

Герр Гюнтер Шварц — директор киноэкспортного объединения из ФРГ с презрением посмотрел вслед удаляющемуся оператору.

— Нечестная игра! — сказал он сурово.

ДВЕНАДЦАТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Некоторым алчным кинозрителям приближение фестиваля принесло немало хлопот. Пришлось пустить в ход знакомства, связи, затратить массу энергии, чтобы обзавестись абонементами. Конкурсные фильмы демонстрируются в Кремлевском Дворце съездов. Не попадешь туда — не будешь в курсе дела. Внеконкурсные демонстрируются в кино «Россия». Анна Петро́вна сказала, что внеконкурсные самые интересные! Но, оказывается, фильмы вне конкурса показывают также в кино «Космос» и во Дворце спорта. И всюду разные.

Говорят, что иногда люди ухитряются сидеть сразу на двух стульях. Но как усе́сться сразу на четырех, да еще находящихся в разных кинотеатрах Москвы?

Уже первый день фестиваля показал, что граждане, попытавшиеся это проделать, взвалили на себя непосильную нагрузку. С утра они сидели в «Космосе», днем — в «России». Вечером таксомоторы выгружали их у Дворца съездов. В каждом месте демонстрировали по два фильма. Каждый фильм шел два часа. Итого — двенадцатичасовой рабочий день. Редчайший случай самоэксплуатации. Что и говорить, у этих киноманов времени на нормальный рабочий день не хватало.

Однажды, возвращаясь поздно вечером из Дворца съездов, я слышал в вагоне метро, как одна дама рассказывала случайно встретившейся подруге сюжеты фильмов, увиденных ею в этот день:

— Значит, так: Симона Синьоре приезжает пригородным поездом из Парижа в Хиросиму и знакомится там с партизаном из Неаполя. Как водится, у них завязывается роман, но в это время прилетает из Москвы начальник главка и сообщает, что на них поступила жалоба. Тогда американский летчик выбрасывает из поезда немецкого шпиона, а Симона Синьоре выходит замуж за Васю-сварщика.

Тут подруга почему-то выходит из вагона не на той станции, а дама смотрит на мужа помутневшим взглядом и спрашивает:

— Разве я что-нибудь перепутала?

Что ожидало эту даму в дальнейшем, нетрудно было себе представить. Ведь на фестиваль прислали свои фильмы 55 стран.

К счастью, таких горе-зрителей было немного. Они быстро выдохлись: продали свои абонементы и уехали в санатории лечить нервную систему. Залы заполнились истинными любителями киноискусства.

ОТКРЫТИЯ ФЕСТИВАЛЯ

После официального открытия фестиваля на нем было сделано множество открытий, малых и значительных.

Первое сделал итальянский кинорежиссер Нанни Лой. Перед демонстрацией своего замечательного фильма «Четыре дня Неаполя» он вышел на сцену Дворца съездов, чтобы произнести вступительное слово. Начал, оглядел зрительный зал и вдруг замолк. После большой паузы он произнес примерно следующее:

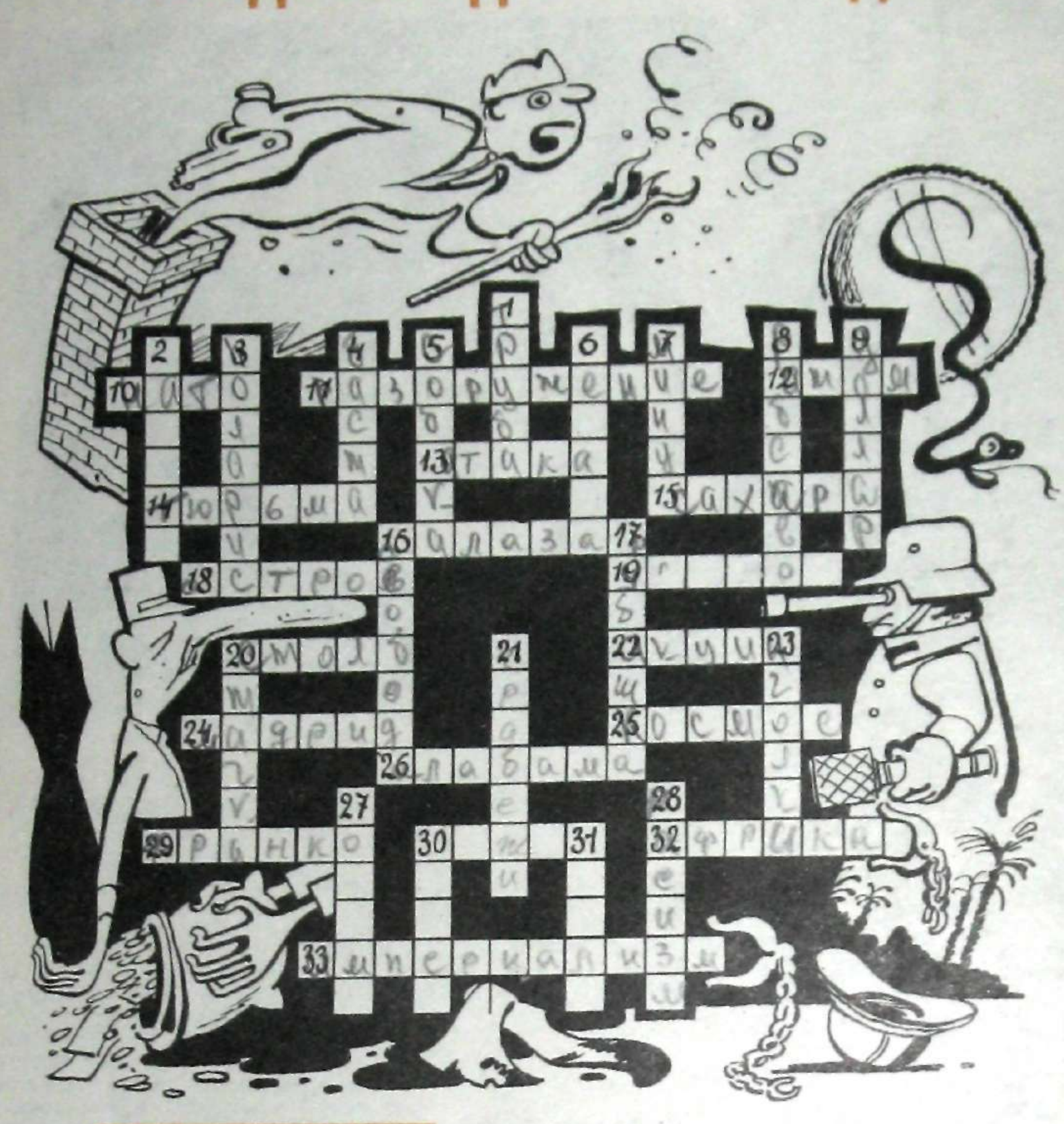
— Я вышел сюда, чтобы сказать что-то очень значительное. Но, когда я увидел этот потрясающий зал, созданный руками советских людей, я понял: что́ я ни скажу, все покажется незначительным на этом фоне...

Все остальные открытия сделали зрители и члены жюри фестиваля.

Были открыты новые таланты, новые замечательные кинопроизведения. Киногерои говорили с экранов почти на всех языках мира, но победителями вышли те из них, кто говорил на языке гуманизма, мира и дружбы между народами.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРОКОДИЛЬСКИЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ

10. Блок. Блокирует путь к миру.
11. Слово, от которого падают в обморок фабриканты оружия.
12. Мельчайшая частица, обладающая огромным влиянием на международные дела.
13. Операции США в Южном Вьетнаме. Без глагола «провалились» не произносятся.
14. Основной объект жилищного строительства в Ираке.

15. Местность, используемая французами для выращивания атомных грибов.
16. Брат Франко по крови.

18. Часть суши, окруженная, по мысли американских стратегов, авианосцами.
19. Наиболее оптимистическое прилагательное, отражающее тон речей английских консерваторов перед выборами.

20. В сочетании с прилагательным «позорный» — предмет, который тоскует по Чомбе. Два таких же предмета в сочетании с перекладиной тоскуют по Глобке.
22. То, что падает на бирже при слове «разоружение».
24. Крупная тюрьма на Пиренейском полуострове с населением в 1 700 000 человек.
25. Место, где американцам никогда не быть первыми.
26. Филиал Южно-Африканской Республики в США.
29. Брат Салазара по крови.

30. То, что в изобилии имеет даже самый низкооплачиваемый рабочий в условиях капитализма.
32. Материк, с которого колониалисты выезжают без обратного билета.
33. Научный термин, объединяющий в себе грабеж, разбой и угнетение.

ПО ВЕРТИКАЛИ

1. То, во что могут вылететь боннские инициаторы запрещения продажи труб Советскому Союзу.
2. Вид снаряжения американских шпионов.
3. Щука НАТО в море.

4. Любимое слово стачечников в странах капитала.
5. Домашнее животное, употребляемое на юге США дикими животными для охоты на человека.
6. Косметическое средство, употребляемое капиталом для камуфляжа своих морщин.

7. Арифметический знак, часто употребляемый при подсчете достижений американской экономики.
8. Устаревшая статья экспорта из Англии, Франции и Бельгии в Африку и Азию.
9. Денежная единица определенного достоинства; во внешней политике употребляется для покупки людей без достоинства.

16. Покойница, которой в Нью-Йорке поставили памятник.
17. Вид одежды, который для сенаторов Голдуотера и Китинга следует шить с рукавами до колен.
20. Поведение рабочих, которое предприниматели считают неприличным.
21. Смысл существования Рокфеллера.

23. Предмет, употребляемый на земле для рукоделия, в космосе — для провокаций.
27. Самый быстрый вид транспорта.
28. Совершенно неполноценная теория о полноценности и неполноценности людей.
30. Последняя инстанция, ратифицирующая договоры.

31. Основное орудие труда у буржуазных демагогов.

КАК РОБИН ГУД СТАЛ КОММУНИСТОМ

Знатоки утверждают, что пуганая ворона куста боится. Не будем с ними спорить. Возможно, что и так, а может быть, и иначе. Но что нынешние идеологические руководители американцев насмерть перепуганы необычайной притягательностью коммунистических идей — это факт. Настолько перепуганы, что им мерещится «подрывной коммунизм» буквально под каждым кустом.

Вот, например, недавно переполошились влиятельные лица из департамента школ в штате Калифорния. Подумать только! В школьной хрестоматии была обнаружена самая что ни на есть опасная крамола: песенка под названием «Взмахни сверкающим серпом». Явный намек на подрывной символ серпа и молота. Причем каким коварным методом протащили коммунисты свою пропаганду в хрестоматию! Оказывается, еще в 1897 году некий поэт (которого, несомненно, направляла «рука Москвы») написал эту песню на народный мотив и подсунул ее американским фермерам для исполнения на празднике урожая. Доверчивые фермеры в отличие от прозорливых «влиятельных лиц» из департамента школ не раскусили подлинного смысла песенки и с тех пор поют ее вот уже более 65 лет!

Конечно же, песню немедленно изъяли, а против учителей начато расследование на предмет выявления их «коммунистической деятельности».

Если бдительные стражи американского образа жизни из Калифорнии обнаружили «руку Москвы» в XIX веке, то в штате Индиана пошли еще дальше в глубь веков. Местный департамент школ категорически потребовал, чтобы из учебников было изъято всякое упоминание о Робине Гуде, этом легендарном «рыцаре зеленого леса», благородном защитнике бедных и угнетенных. И есть за что. В департаменте неопровержимо установили, что Робин Гуд (какой ужас!) «прямо следовал коммунистическому курсу». Ну как тут не развести руками: ведь веселый Робин пришел в сказки и легенды современности из XII (двенадцатого!) века. Ох, уж эти коммунисты!..

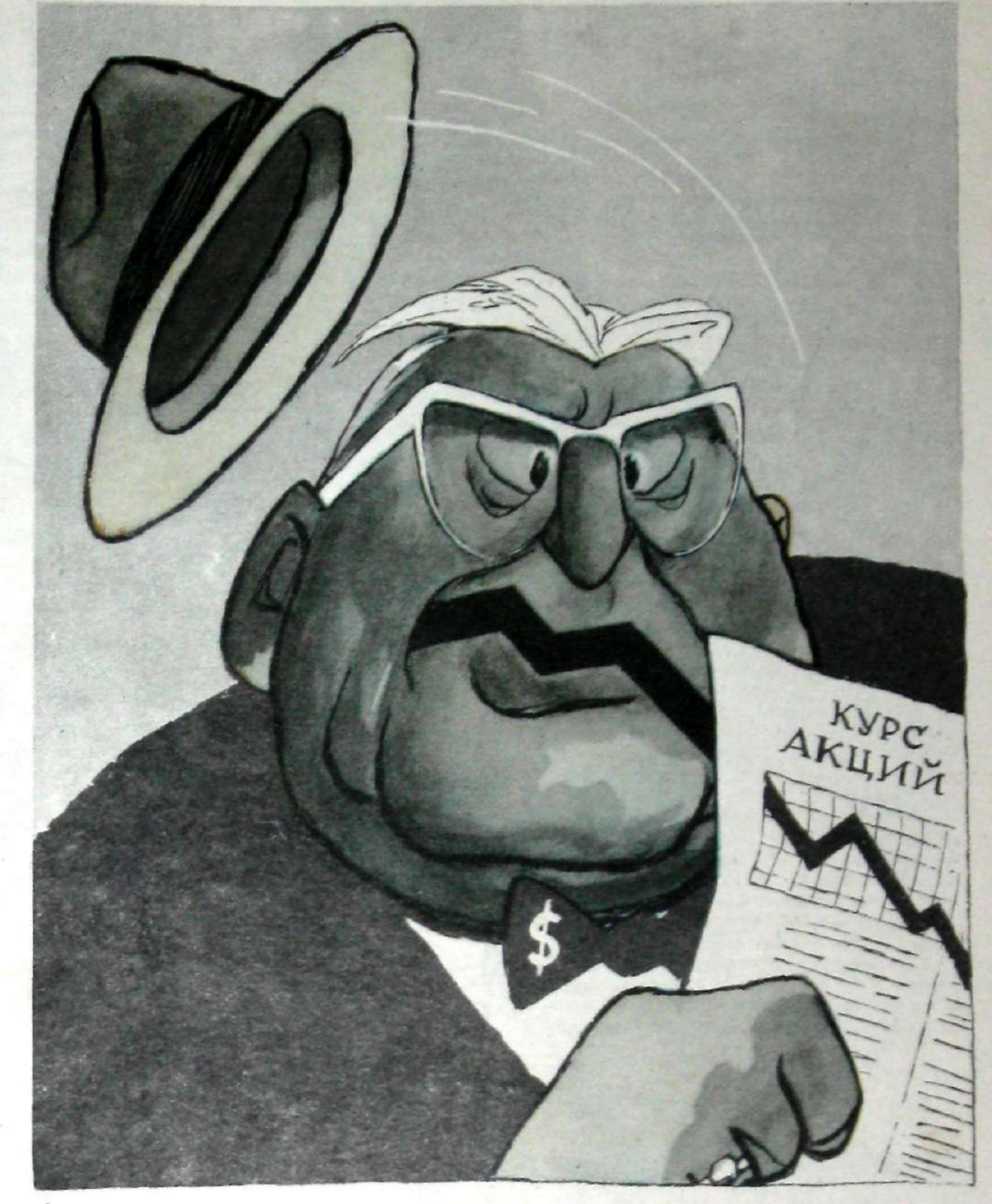
Сегодняшний день Америки также дает бдительным антикоммунистическим цензорам пищу для размышлений. Печально прославившийся своими умственными способностями сенатор Голдуотер недавно обвинил в «антиамериканской подрывной деятельности» руководителей Национальной ассоциации просвещения. Обычно над подобными обвинениями смеются даже на Уолл-стрите. Но не на этот раз...

Судите сами: руководители ассоциации одобрили брошюру, в которой выдвигается требование увеличить правительственные ассигнования на образование. Это в такое-то время! Господа Рокфеллер, Морган, Дюпон и другие «лучшие люди» США не жалеют сил, ночей не спят, чтобы еще хотя бы на несколько миллиардов увеличить военные расходы, а тут какая-то ассоциация требует ассигнований на образование, которое, как известно, почти не дает прибылей.

Мудрено ли, что перед лицом подобного повального распространения коммунизма в США стражи капиталистического образа жизни протрубили общий сбор и двинулись в поход. На рынке появилось множество «учебников» антикоммунизма. Например, в городе Принстоне (штат Нью-Джерси) издан учебник «Угроза коммунизма». В числе его авторов весьма маститые деятели вроде бывшего заместителя государственного секретаря США Джозефа Грю и нынешнего директора Бюро разведки при госдепартаменте Эванса. О выдающейся научной ценности их труда можно судить хотя бы по разделу, посвященному революции 1905 года в России, где черным по белому напечатано: «После кровавого воскресенья поп Гапон бежал из страны и присоединился к Ленину (!) в Швейцарии. Позже он стал коммунистом (!)».

Увы, у авторов этих учебников есть конкурент, побороть которого они не в состоянии. Успехи советских людей в экономике, космосе, науке, в образовании и других областях — вот «учебное пособие», по которому американцы изучают теорию и практику коммунистического строительства!

Ю. ГЕНЕРАЛОВ

Факт на лице.

Рисунок Бориса ЛЕО

КОБРА

„Орадур" коричневого цвета

Когда эсэсовцы стерли с лица земли мирное французское селение Орадур, зверски *убили мужчин, а женщин и детей заперли* в церкви и сожгли, земной шар содрогнулся от гнева.

Сегодня—два десятилетия спустя—западногерманская обувная фабрика «Обермайн» выпустила на общеевропейский рынок летние сандалии и рекламирует их под названием «Орадур». Какой дух царит в Западной Германии, показывает позиция, занятая коммерческим директором обувной фабрики «Обермайн».

— Во-первых, название «Орадур» очень звучное, а во-вторых, со времени этой истории прошло двадцать лет, и она уже давно быльем поросла. Мы не подумаем менять название и тем самым обесценивать наш ходкий товар только потому, что кто-то брюзжит из политических соображений.

Брюзжала, и то тихонечко, одна западногерманская газета, «Ди Вельт». При этом *редакторы даже не заметили*, что коричневые сандалии «Орадур» бойко рекламируются черным по белому в их собственной газете.

Боннская коричневая юстиция хранит по этому поводу благородное молчание. При таком положении вещей западногерманские фирмы, пожалуй, вскоре начнут расхваливать свои газовые плитки под названием «Освенцим».

Что касается нас, то мы, со своей стороны, рекомендуем чудесное дезинфекционное средство, прекрасно оправдавшее себя при уничтожении ядовитых коричневых паразитов. Называется оно «Антифашизм» и совершенно необходимо в каждом западногерманском городе.

Перевел с немецкого Н. ТОМАШЕВСКИЙ.

ИХ ВЫСОЧЕСТВА ПОДРАБАТЫВАЮТ...

Обедневшие английские герцоги и лорды за плату пускают в свои поместья и парки посетителей.

Часть лордов тяжело переживает вторжение посторонних на свою территорию. В «дни открытых дверей» лорды с женами и детишками отсиживаются в задних комнатах своих просторных замков, переложив хлопоты по приему и обслуживанию любознательных туристов на плечи обслуживающего персонала. Из укрытия лорды выползают лишь поздно вечером, когда ворота наконец запираются, в садах и парках тихо и везде уютно насорено бумажками и окурками.

Но вот герцог Бедфордский, к примеру, не отсиживается. Он работает. Он стоит в своем парке, держит вечное перо и пишет, пишет, пишет. Посетители в порядке живой очереди тянут герцогу свои альбомы, а тот расписывается. За автограф взимается один шиллинг. Как именно этот шиллинг взимается, сказать не берусь. Газета «Санди таймс», откуда мы почерпнули сведения о времяпрепровождении герцогов, о такой подробности умолчала. Можно, однако, предположить, что рядом с пишущим герцогом лежит на траве его шапка (цилиндр или кепи) и посетитель одной рукой кидает монету, другой же протягивает герцогу свой альбом. А герцог все пишет, время от времени роняя: «Прошу без сдачи! Не толкаться! Кто следующий?»

Затем появляется простенько, но со вкусом одетая герцогиня, и на лужайке организуется чаепитие. За чаепитие платят отдельно. Может быть, деньги суют под салфетку. А может, тут же неподалеку работает кассовый аппарат, за которым сидит герцогская старшая дочка, выкрикивая: «Кто желает пить чай с папашей и мамашей — платите!» Этого мы в точности сказать не беремся. Важно вот что: во главе стола сидят титулованные супруги и демократически беседуют о погоде с представителями низших классов. Пообщавшись за свои деньги с аристократией, довольные посетители расходятся, а герцогское семейство дружно подсчитывает выручку.

Но вот герцог Бленхеймский принадлежит к тем лордам, которые не желают общаться с посетителями. Это сказалось на его выручке. И мы можем предположить, что между супругами Бленхеймскими после «дня открытых дверей» происходят тяжелые семейные сцены.

— Сколько? — переспрашивает герцогиня, бледнея.— Это за весь-то день всего и наскребли?

(Тут следует оговориться; поскольку автор этих строк с герцогами чай не пил, то автор не может поручиться, что лорды и их жены изъясняются именно этими выражениями. Ручается он лишь за смысл супружеских бесед.)

— Посетителей было маловато, душенька. Плату-то за вход мы набавили, три шиллинга шесть пенсов берем. Говорят, дорого.

— А у Бедфордов почему полно народу? Бедфордша надысь хвасталась: к ним так и валят! Замок у нас, что ли, хуже? Парк меньше?

— В ихнем парке киоск «Виски—воды», тир, «Комната ужасов», карусели, а по аллеям голыши-нюдисты из общества «Долой стыд» расхаживают.

— И у нас пусть голыши-нюдисты! Пусть!

— Не могу я свой родовой парк... Честь Бленхеймов...

— Что за честь, коли нечего есть! — парирует герцогиня.

— А еще собака Бедфорд,— с горечью говорит герцог Бленхеймский,— придумал автографами торговать и чаи на лужайке с простонародьем распивать. Посуди сама, душенька, могу ли я...

— Не можешь? Принц какой! Рука у тебя отсохнет автографы писать?

— Но, лапочка...

— У малого машины приличной нет, у дочки — приданого, за электричество который месяц не плачено, а он не может! Вон из моих апартаментов! Глаза б мои не видали!

— Но, милочка...

— Вон, сказано! Заберу детей и уеду к мамане!

После чего герцогиня рыдает, терзая кружевной платочек, а герцог, жалко потоптавшись на цыпочках, удаляется...

Видимо, семейные сцены заставили герцога Бленхеймского пустить по родовому озеру небольшой прогулочный катер и устроить в родовом парке детскую железную дорогу. Но Бленхеймскому уже ничто не могло помочь: конкуренты готовили ему новый страшный удар. Герцог Бедфордский и лорд Монтегю (у того тоже фамильный замок и парк с аттракционами) организовали небольшой трест, заявив, что туристы, посещающие оба замка, получают скидку.

Туристы, само собой, кинулись туда, где подешевле. А обойденные герцоги и лорды ломают руки, плачут и думают, что теперь делать.

Говорят, герцог Мальбрук хочет подключить к этому делу палату лордов: пусть, дескать, палата своим авторитетом запретит лордам объединяться в тресты.

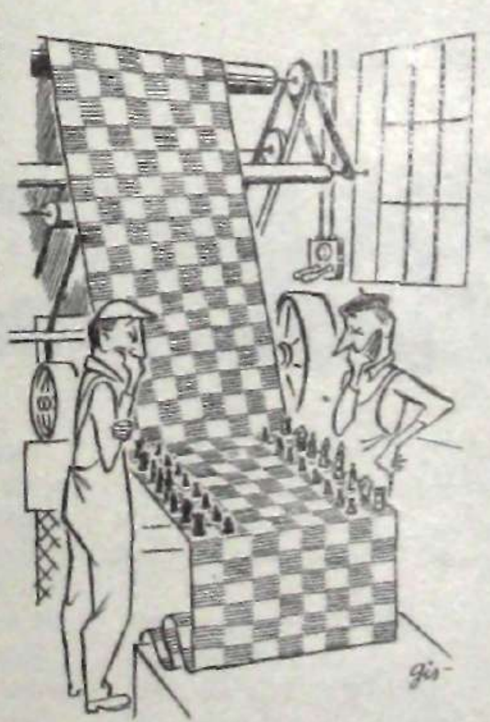
Чем все это кончится, пока неизвестно.

Н. ИЛЬИНА

Гизи Сеге — известная венгерская карикатуристка, сотрудница журнала «Лудаш Мати». Ее рисунки, то пронизанные лукавым юмором, то остросатиричные, неизменно пользуются успехом у читателей.

Кроме «Лудаш Мати», Гизи Сеге печатается в центральном органе Венгерской рабочей партии газете «Непсабадшаг» и других периодических изданиях.

В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

СОВРЕМЕННАЯ ПРИЧЕСКА

— Марика, обернитесь ко мне, я вам что-то скажу.
— Да ведь я, коллега, на вас уже полчаса смотрю.

БАЛ АБСТРАКЦИОНИСТОВ

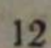
— Разрешите пригласить вас на танец?
— Идиот! Разве вы не видите, что я тоже мужчина!

МЕЧТЫ КАРЬЕРИСТА

— Если бы у меня было столько локтей, я бы пролез не только в боги...

— Займите чем-нибудь отдыхающих, а то нам от них покоя нет!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЛУТОНЮШКА НА СЕВЕРЕ

Старая сказка с новым продолжением

Добрый молодец Лутонюшка, путешествуя, увидел, как некие люди затаскивают на избу корову.

— Зачем корову на крышу тащите?

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!..

— Чудаки,— говорит Лутоня.— Проще траву скосить да вниз скинуть.

— Ты не обзывай,— отвечают люди,— поезжай на Кольский полуостров. Там за сеном подале лазят...

Поехал Лутонюшка на Кольский полуостров, и ему там рассказали:

— Когда-то, сам знаешь, из скота водились тут одни олени. Но теперь, конечно, коров у нас немало. А вот сена своего покуда нет: луга на Севере — дело будущего.

— Где же вы берете сено? — посочувствовал Лутоня.

— А мы каждое лето командируем людей в южные районы. Едут они со своими тракторами, там сено косят и домой везут.

— Чудаки!—поразился Лутоня.— Во что же вам молоко обходится!

— Сказал тоже! — обиделись северяне.— Чудаки сидят в снабжающих организациях: как ни просим, не могут наладить централизованные поставки сена на Север...

Пошел Лутонюшка далее. Глядит, сидят мурманские рыбаки. Макают они кисточки в банки с синей краской и майки да рубашки синими полосками разрисовывают.

— Вы кто ж такие? — поинтересовался Лутоня.— Морозоустойчивые абстракционисты?

— Сам такой,— ответили рыбаки.— Это мы себе тельняшки изготовляем.

— Вот чудаки! — удивился Лутоня.

— Чудаки, да не мы,— отозвались рыбаки.— Чудаков поищи на Ленинградской базе Росторгодела. Это она морской город Мурманск тельняшками снабжать не хочет.

...Проголодался Лутонюшка путешествуя. Заходит в рыбный магазин. Смотрит — глазам не верит: на прилавке рыба, а над нею квиток: «Камбала дальневосточная, свежемороженая».

Спрашивает Лутоня у продавца:

— Что у вас, своей камбалы нет?

— Хоть завались.

— Зачем же вам, чудакам, дальневосточная?

— Ни за чем. Это наши соседи из ленинградского «Мясорыбторга» нам от своих щедрот вместо южной рыбы пять тонн дальневосточной камбалы отвалили... Да это еще что! Мы треской полстраны снабжаем. А недавно дальневосточный «Рыбсбыт» послал нам двадцать шесть тысяч банок консервированной трески в масле. Отчудили...

— Да,— почесал в затылке Лутоня,— далеко до тех чудаков добираться...

А потом зашел Лутонюшка в хозяйственный магазин и ужаснулся. Стоят на полках белые таблички со свирепыми собачьими мордами. И надпись: «Осторожно! Здесь злая собака!».

— Откуда таблички?

— Из Куйбышева, вестимо.

— Понимаю,— кивнул набравшийся опыта Лутоня.— Тамошние чудаки решили мурманчан порадовать.

— Нет,— сказал продавец.— На этот раз наши собственные, доморощенные чудаки из базы хозторга отличились. Где-то на ярмарке закупили этих табличек тысячу семьсот штук. Прежде бы собак сосчитали! А их в Мурманске официально числится пятьдесят шесть хвостов...

И вернулся Лутонюшка домой.

Взял у него интервью

Борис СИБИРЯКОВ.

г. Мурманск.

Борис СТАРОСЕЛЬСКИЙ

Переводчица

Девчонке нет еще и двадцати,
А спутникам ее уже за сорок.
Она сопровождает их в пути
По городу, где каждый встречный дорог.

Приветлива, шаги ее легки,
Ей кажется, что с близкими друзьями
Она проходит вдоль Москвы-реки,
Следя, как восхищенными глазами

Глядят кругом, садясь на карусель,
Веселые туристы из Тулузы.
И вдруг один из них: «Мадмуазель,
А вы бы вышли замуж за француза?»

Ну что ответить на вопрос его,
Как не обидеть гостя понапрасну?
«Я выйду замуж только за того,
Кто мне букет цветов достанет с Марса».

И, словно сбросив с плеч нелегкий груз,
С улыбкой смотрит на гостей тулузских...
Вздыхает озадаченно француз:
«Так, значит, за кого-нибудь из русских».

Короткие рассказы

М. ЗАХАРОВ

НАЗНАЧЕНИЕ

— Хватит,— сказали мне в министерстве.— Шутки в сторону! Назначаем тебя директором!

Я ожидал самого страшного, но только не этого.

— За что, родные?! — закричал я, в отчаянии заламывая руки.— У меня ж семья, жена, теща, дети взрослые! Что я им скажу?.. Они же по театрам ходят, кинокомедии глядят, книги читают! Как я им в глаза смотреть буду!..

Я бросился на колени и стал хватать руководящих работников за ноги, но тщетно. Люди шарахались от меня, как от зачумленного...

— Ди-рек-тор! Ди-рек-тор! Ди-рек-тор! — закричали дети в городском саду, приплясывая, улюлюкая и швыряя в меня камушками.— Бюрократ несчастный! Чинуша! Пережиток прошлого!..

Я с трудом добрался до своего кабинета.

— Мы к вам,— грозно сказал комсорг, введя за собой 15 человек с балалайками.— Наша агитбригада. Хотим согласовать текст выступления.

— Очень хорошо!—обрадовался я.—О чем петь будете?

— Хотим руководство продернуть. Каленым острием персонально по директору! Не проходите мимо! Вилы ему, как говорится, в бок!

— За что же в меня вилами? — взмолился я.— Ведь я только что...

— Одну минуточку! Разрешите? — В кабинет вбежал человек с блокнотом.— Позвольте представиться: я литератор, собираю конкретный материал... Всего несколько вопросов. Какие изобретения маринуете? Кого затираете? Кто с вами борется и по какому вопросу?..

Я не успел открыть рот, как в кабинете вспыхнул яркий дополнительный свет.

— Внимание, съемка! — закричал неизвестно откуда появившийся кинооператор.

— В чем дело? — слабо запротестовал я.— Вы откуда?

— Из сатирической хроники.

— За что снимаете?

— На всякий случай. Уверен, что пригодится.

— Так!..— сказал профорг, оттолкнув кинооператора и с трудом пробираясь к моему столу.— Окружил себя черт знает кем! Простому человеку к тебе не протиснуться! Небось, один коньяк пьешь и лимоном закусываешь, а?.. Не по той дорожке пошел, браток!

— Директора поймали! — громко закричала вбежавшая уборщица, размахивая свежим номером вечерней газеты.

— Нашего? — радостно вскрикнули участники агитбригады.

— Пока нет! Соседского!..

Среди присутствующих прокатилась волна разочарования.

— А что же с нашим церемонятся?

— Товарищи, дорогие мои друзья! — сказал я, пытаясь взять себя в руки.

— Ты нам рты не затыкай! Авторитетом не дави! — закричали присутствующие товарищи и друзья.

Остаток дня я провел в полуобморочном состоянии. Всю ночь меня мучили кошмары.

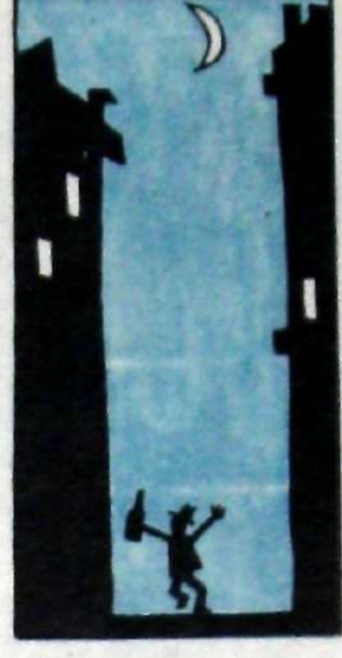
Через неделю я лишился сна, покоя, аппетита, друзей и здоровья. От меня ушла жена и сбежали дети.

Короче говоря, я стал директором и уже только поэтому — плохим человеком, черствым, зазнавшимся бюрократом. Не верите? Тогда посмотрите, как меня разделывают в литературе, театре или в кино.

г. Москва.

В. КАРЛИНСКИЙ

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Тотчас после работы Иван Иванович поспешил к автобусной остановке. Предстояло ехать на другой конец города — в телеателье. Капризничал телевизор. Иван Иванович тревожно поглядывал на стрелку хронометра. И не зря. На двери телеателье уже покачивалась табличка: «Закрыто». Для удобства Управления бытового обслуживания телеателье принимало посетителей только до 6 часов вечера.

«Обойдемся собственными силами!» — оптимистически решил Иван Иванович и бодро зашагал в сторону магазина, торговавшего запасными деталями. Но не успел. Для удобства Управления торговли городские магазины закрывались в 7 часов.

«Внесем предложение!» — подумал Иван Иванович и сочинил письмо на восьми страницах. Местное почтовое отделение располагалось неподалеку. Но попасть в него не удалось. Для удобства Управления связи почта работала только до восьми.

Вечер начался не совсем ладно. Хотелось как-нибудь отвлечься. Разноцветные неоновые рекламы, захлебываясь огнями, звали на давно обещанную смешную кинокомедию. Однако для удобства кинопроката на самом ходовом сеансе, в 9 вечера, повсюду демонстрировались старые, истертые ленты.

Разочарованный, Иван Иванович стоял посреди улицы. И тут вспомнил, что с утра ничего не ел. Расспрашивая прохожих, он наконец нашел столовую. Но при входе уже дремала сторожиха: для удобства Треста столовых отпуск ужинов прекращался в 10 часов.

В поисках дежурного «Гастронома» прошло добрых сорок минут. Перед прилавками стояли толпы. До закрытия (а для удобства «Гастроном» торга магазин закрывался в 11 часов) успеть и в кассу и в отдел можно было только чудом. Иван Иванович невесело махнул рукой и направился к винному отделу: здесь деньги получали сами продавцы.

Выйдя из «Гастронома», Иван Иванович побрел на автобусную остановку. Но автобуса он не дождался. Для удобства Автотранспортного управления движение на линии прекращалось к 24 часам.

Перспектива идти пешком, да еще прохладной ночью не радовала. Вздохнув, Иван Иванович достал из кармана покупку и свернул в ближайший скверик.

Домой он так и не попал, потому что для удобства населения городской вытрезвитель работал круглые сутки.

г. Ленинград.

А. САЛЕНКО

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Наша учительница Изабелла Пафнутьевна ставит нам двойки, но мы ее любим. Она развивает чувство коллективизма.

— Дети,— сказала она как-то.— Вы хотите, чтобы наш класс был лучшим? Чтобы у нас на окнах висели шторы, чтоб на столе была красивая скатерть и было много-много живых цветов?

— Конечно,— согласились мы.

— Так вот, дети, мы будем соревноваться за лучшее санитарное состояние классных комнат. Соревнование сплачивает коллектив. Мы должны воспитать в себе чувство локтя, чтобы все — за одного, а один — за всех. Понятно?

— Понятно! — закричали мы.

Нам ужасно захотелось ощутить локоть друг друга, и мы начали здорово-таки толкаться.

— Тихо! — остановила нас Изабелла Пафнутьевна.— Чтобы выполнить это задание, вы должны попросить у своих родителей по рублю и сдать мне. Так будем соревноваться за лучший класс?

— Будем! — хором закричали мы...

Не знаю, как другие родители, а моя мама сдалась без боя.

— Хорошо,— сказала она.— Хорошо, что и в школе наконец начали думать об уюте. А в наше время ничего подобного не было. Ни штор, ни цветов. Я дам тебе рубль, только учись отлично.

Через несколько дней у нас в классе стало уютно и красиво. Мы радовались и смеялись, чувствуя локоть друг друга.

Как-то вместе с Изабеллой Пафнутьевной в класс вошла толстая тетя.

— Это мама Васи Путикова,— сказала Изабелла Пафнутьевна.— Она с вами поговорит, а я пока выйду.

— Дети,— обратилась к нам мама Васи.— Скоро у Изабеллы Пафнутьевны день рождения. Хотите сделать ей приятное?

— Хотим! — дружно ответили мы.

— Тогда попросите у родителей по рублю и принесите мне. Мы купим вашей любимой учительнице хороший подарок.

— Ура! — закричали мы и разошлись по домам...

С каждым днем мы все сильнее ощущали, как крепнет наш коллектив. Как все теснее сплачиваются наши ряды. И довольно часто собирали то по рублю, то по шестьдесят копеек... То день рождения директора школы, то день 8 Марта...

Вчера к нам в класс снова пришла мама Васи Путикова и сказала:

— Дети, хотите сделать приятное Изабелле Пафнутьевне?

— Хотим! — обрадовались мы, потому что за последние две недели приносили ей одни только неприятности: поломали парту, разбили стекло.

— Так вот, дети, завтра у мужа Изабеллы Пафнутьевны день рождения. Понятно?

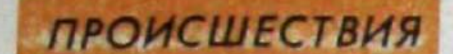
— Понятно! — как всегда, дружно закричали мы.

Но мама ничего не поняла и сказала, что пойдет жаловаться в гороно и еще куда-то и положит этому вымогательству конец.

Дать рубль она наотрез отказалась.

Сегодня я не пойду в школу. Чтобы не подвести наш сплоченный коллектив.

г. Херсон.

СОВМЕЩЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Некто гнался за неким с неистовым криком: «Держи вора!» А догнав преследуемого, крепко пожал ему руку.

Это мы выдумали. Причем не от избытка фантазии, а под впечатлением «Учительской газеты», точнее, номера от 6 июня нынешнего года.

С четвертой страницы газеты раздался достаточно громкий крик: «Держи вора!» Кричал Б. Волков, автор фельетона «Плагиат с извинением». За руку был пойман П. Атутов — сотрудник Научно-исследовательского института общего и политехнического образования Академии педагогических наук. Статью одного из своих коллег, опубликованную в журнале «Философские науки», он напечатал в другом журнале — «Советская педагогика». Правда, текст подвергся некоторому изменению. П. Атутов заменил подпись под статьей. Чужую на свою.

А на третьей странице того же номера работники редакции сердечно пожали П. Атутову руку. Рубрика «На книжную полку учителя» открылась строкой: «В свет вышла книга «Политехническая комиссия в школе». И тут же указаны фамилии обоих авторов труда, один из которых — П. Атутов.

Тем, кого ловят за руку, рукопожатие, как известно, не положено. Работники «Учительской газеты», совместив несовместимые операции, доказали, что не всякое новщество похвально.

Р. Б.

ОТВЕТ В ТОМ ЖЕ НОМЕРЕ...

Валентину Александровичу чертовски везло. В первый день охоты он вместе с подручным взял крупную свинью и трех подсвинков. На следующий день уложил еще одного подсвинка...

Короче говоря, Валентин Александрович оказался героем дня, а затем главным персонажем очерка П. Гавриленко «В горах Заилийского Ала-Тау», опубликованного в № 6 журнала «Охота и охотничье хозяйство». К сожалению, автор не указал ни фамилии, ни чина-звания удачливого охотника. Между тем один из алма-атинских читателей журнала усмотрел в действиях Валентина Александровича нарушение правил охоты (бил кабанов в заповеднике, пользовался нарезным оружием) и позвонил в городское Общество охотников и рыболовов. Прошу, мол, сообщить, кто такой Валентин свет Александрович.

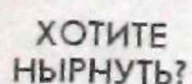
— Ищите ответ в том же номере журнала, страница 56,— посоветовал работник общества.

В самом деле, на странице 56 обнаруживаем заметку «Браконьер-подшефник». Ба, и здесь фигурирует Валентин Александрович! О *нем* сообщается:

«В Алма-Атинской области шефом браконьеров оказался сам начальник Управления охотничьего хозяйства и заповедников Казахской ССР Валентин Александрович Степанов...»

Ну что бы товарищам из «Охоты и охотничьего хозяйства» подверстать эту заметку под очерк «В горах Заилийского Ала-Тау»! Тогда бы лицо удачливого охотника сразу прояснилось...

Н. БЕРДАНКИН

Глядя на этот снимок, можно сразу смекнуть, что отдых в городе Тосно (Ленинградская область) — одно удовольствие. Купаться в реке абсолютно безопасно. Куда ни глянь — надежное спасательное средство. Нырять, правда, труднее...

Зато, лежа на бревнах, можно в любой точке водоема ловить ершей, если, конечно, они уцелели под бревенчатым накатом.

Впрочем, ходят слухи, что Тосненский горисполком будет принимать меры по очистке реки от сплавного леса. Но когда — это вилами на воде писано. Не на тосненской, конечно, воде. Писать тут негде. Только вилы поломаешь.

Г. ПЛАНИН

г. Тосно.

— Несчастные! Улетают на периферию...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Мой муж Харьков Л. Н. просил исполнить по телевидению песню «Золотая моя, золотаюшка». Прошу повторить этот заказ, так как во время исполнения нашей любимой песни муж находился в вытрезвителе».

(Из заявки в областную студию телевидения).

Прислал В. ОТЯН.

Донецкая область.

«Поскольку я к труду не способен и ограниченной годности, поэтому должность и профессия поэта для меня будет вполне подходящей...».

(Из письма в издательство).

Доставил С. СМИРНОВ.

г. Москва.

«РЕШЕНИЕ

Совета Сретенского производственного совхозно-колхозного управления от 24 июня 1963 года

...Организовать соревнование по получению высоких привесов на нагуле и откорме скотников и гуртоправов».

Прислал Г. КУТУЗОВ.

Читинская область.

«Из-за отсутствия автомашины в первом полугодии скорую помощь оказывала лошадь».

(Из выступления на собрании).

Записал В. ДЮПИН.

г. Омутнинск, Кировской области.

НАШ МАЯК

«Два с половиной года прошло с тех пор, как Галина впервые появилась в нашем управлении, а уже является маяком для многих рабочих».

(Из газеты «Голос строителя» треста «Ялтастрой»).

Прислал Ю. ПЕТРУШЕНКО.

г. Ялта.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00143. Изд. № 1100. Подписано к печати 22/VII 1963 г. Формат бум. $70 \times 108\frac{1}{8}$. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 1836. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436

ИНТЕРВЬЮ ПО-ПОРТУГАЛЬСКИ

— Радиослушатели хотят знать, что думает простой португалец о нашем любимом Салазаре...

Рисунок Е. ШУКАЕВА